

А и резаной — тот в лес убежал.
(Сборник Кирши Данилова. — М., Л., 1958. С. 182)

Пародия на заговор одновременно является небылицей, в рамках которой реальные несовместимые события преподносятся как реально происходящие.

Пародия на заговор — свидетельство того, что Кирша Данилович (Кирша Данилов) знал не только былины и песенный фольклор, но и заговоры, чутко улавливая возможности пародирования их, подвергал серьезное в искусстве «оздоровительному комическому снижению» (Русские народные сказки Урала. Записал В. В. Блажес. Екатеринбург, 2001. С. 6).

Способы создания пародий сближают Сборник Кирши Данилова с демократической сатирой XVIII века, направленной на традиционные, устоявшиеся формы словесной культуры (службы, росписи приданого, челобитные). Но оригинальность «Агофонушки» дает основание считать, что данное произведение — плод личного творчества уральского талантливого носителя фольклорной традиции Кирилла Данилова.

© Феоктистова И. К.

г. Омск

ХРИСТИАНСКИЕ ЛЕГЕНДЫ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ФОЛЬКЛОРНОГО АРХИВА ОМГПУ)

В отечественной фольклористике в последнее время получило развитие широкое понимание легенды, в результате чего к этому типу повествований стали относить тексты с различными жанрообразующими признаками¹. Автор данной публикации поддерживает и развивает концепцию В. Я. Проппа, согласно которой народная легенда есть «прозаический художественный рассказ, обращающийся в народе, содержание которого прямо или косвенно связано с господствующей религией»². Хотя определение, сформулированное ученым в статье «Легенда» в 1930-е гг., может быть в дальнейшем уточнено, оно позволяет отделить рассматриваемый жанр, с одной стороны, от легенды книжной, а с другой, от сказки и близких жанров сказочной (мифологической) прозы.

Связь русской легенды с Христианством обусловила фактический запрет на изучение этого жанра в советское время. Отсутствие публикаций не позволяет нам судить в целом о бытовании легенды в Сибири в XX в., но по Омской области можно сделать некоторые выводы. Это оказалось возможным благодаря архивным материалам кафедры русской и зарубежной литературы ОмГПУ (ФА ОмГПУ). Несмотря на то, что целенаправленное собирание христианских легенд не проводилось, в 1970-80 гг. было записано, а позднее каталогизировано более тридцати повествований данного типа. Здесь уместно отметить вклад преподавателей кафедры Л. М. Белкиной, Н. К. Козловой, Т. Г. Леоновой, Л. В. Новоселовой.

Записи произведены в г. Омске и 11 районах области: Горьковском, Колосовском, Любинском, Нижне-Омском, Оконешиниковском, Омском, Саргатском, Седельниковском, Тарском, Тюкалинском, Щербакульском. В связи с этим можно прогнозировать наличие достаточно развитой традиции. Большинство исполнителей русские, имеются также записи от украинцев.

В местных текстах можно выделить космогонический сюжет (о сотворении мира двумя братьями, один из которых впоследствии становится Господом, а вто-

рой — чертом), о странствующем Божестве — Иисусе Христе, о святых (победе Егория над змеем, о Николе и Касьяне), о Пресвятой Марии Богородице (Трое-ручнице).

Повествования, рассмотренные В. Я. Проппом, позволили ученому сделать вывод, что в Библии и народной легенде «совпадают... имена, но не совпадают сюжеты, и что Библия не является источником народной легенды»³. Однако в течение XX века, как показывают материалы ФА ОмГПУ, произошли изменения, и некоторые тексты 1970-80 гг. в разной мере обнаруживают сюжетную связь с Евангелием: это легенды о Христе и его учениках; о чудесах, сотворенных Иисусом Христом; о том, почему цыгане кудрявые.

Повествователей, например, очень волнует предательство Иуды и знание Иисуса о предательстве. В одном из текстов рассказывается, что Христос прямо во время вечера уличает предателя во лжи и стыдит его: «Были у Христа ученики. Вот как-то сели они за стол есть. И говорит Христос, что его предаст один из его учеников. Тогда все стали говорить, что они не предадут его. Тогда Христос, глядя на Иуду, говорит: «Как тебе не стыдно. Ты лжешь!» А они ели жареную рыбу. Христос говорит: «Если ты обманываешь, то пусть рыба на сковородке оживет». И рыба зашевелилась, забила хвостом» [ОмГПУ ЭК-74/1985, N 10]. Мотив предательства имеет и иную форму выражения: ученики объяснили преследователям, по какому признаку можно узнать Христа: все будут во время вечера макать хлеб в соль, а Спаситель будет посыпать ею хлеб [ОмГПУ ЭК-4/1979, N 17]. В другой легенде обмакивание хлеба в соль является как раз средством опознания предателя: не все ученики будут так поступать, а только Иуда: «...У них была тайная вечеря. Перед ними на столе всегда стоял хлеб и соланка с солью на нем. А они все сидели за столом. Один из них был Иуда. Христос уже знал, что его повесят. Христос сказал: «Кто обмакнет хлеб в соланку, тот меня и продаст». Иуда макнул и продал Христа» [ОмГПУ ЭК-43/1979, N 14].

Опора на евангельские сюжеты связана с наличием познавательной функции: устный пересказ Святой книги в определенной мере способствует знакомству с ее содержанием, хотя и в далеком от канонического виде.

В легенде о цыгане, кроме познавательной, можно выделить также этиологическую и дидактическую функции. Здесь говорится о том, как цыгану для предстоящей казни Христа были заказаны пять гвоздей, чтобы вбить их в руки, ноги и голову. Цыган послушно изготовил нужное количество гвоздей, но в последний момент пожалел Христа и отдал только четыре, спрятав один в своих волосах. Именно потому цыгане с тех пор кудрявые [ОмГПУ ЭК-61/1981, N 19]. В данном тексте интересно сочетание дохристианских мифологических мотивов с христианскими, а также их связь с реалиями (занятием цыган кузнечным делом).

Популярны среди русского населения Омской области повествования о наказании грешников за работу в праздник и за осквернение храма и икон, отражающие народное понимание греха.

Библейский идеал человека в наиболее концентрированном виде выражен, как известно, в Ветхозаветных заповедях (в главе 20 книги Исход) и Христианских (Нагорная проповедь; глава 5 Евангелия от Матфея). Однако уже в работах ученых XIX в. был отмечен особый характер крестьянской религии, существенно отличающейся от официальной.

В. Я. Пропп в указанной статье большое внимание уделил рассмотрению народных представлений о греховности [2. С. 296-300]. Автор наиболее полно ис-

следовал осуждение скупости, пьянства, лени, убийства, способы искупления грехов. Материалы современных сибирских записей легенд о грешниках и их наказании, на наш взгляд, позволяют дополнить и уточнить картину народных представлений.

Хотя вся жизнь крестьянина проходит в постоянном труде и заботе о хлебе насущном, в легенде народная мораль осуждает тех, для кого эти заботы находятся на первом месте, кто забывает о духовном, полагается лишь на собственные силы. На замечание незнакомого старика о том, что будет хороший хлеб, хозяин нивы грубо отвечает: «Без Бога знаю!» В результате «ничего не уродилось», ведь «этот старичок был сам Иисус Христос» (ОмГПУ, ЭК-41/1980, N 440).

Иногда мотив наказания заменяется мотивом морального осуждения, поскольку «люди не ведают, что творят». Показателен в этом смысле рассказ о встрече шофера с некоей старушкой: в день Благовещенья один шофер выполняет рейс. Двигатель глохнет, водитель безуспешно пытается отремонтировать машину. В этот момент к грузовику приближается вышедшая из леса незнакомая «бабка», очень грязная, и просит подвезти ее, причем непременно в кабине. Водитель соглашается, потому что иначе машина не заводится. В пути он не выдерживает и спрашивает пассажирку: «Бабушка, почему ты такая грязная?» Та отвечает: «Милый мой сыночек, сегодня праздник, а ваши жены стирают и льют на меня грязную воду, вот и грязная». (ОмГПУ ЭК-30/1981, N 25). Следует обратить внимание, что герой рассказа не считается совершающим грех, хотя он тоже занят работой. Объяснение можно видеть в том, что мужчина едет по служебной надобности, он просто вынужден работать, следовательно, не виноват. Женщин же в данном случае никто не заставляет стирать именно в Святой день, поэтому их действия осуждаются.

В ФА ОмГПУ имеются тексты, рассказывающие о наказании за работу в Пасху, Ильин день, Егорьев день и другие.

Очень важно, что народное сознание четко различает простых исполнителей и тех, по чьему научению творится черное дело, иначе говоря, соблазнитель. В рассказе, записанном от П. И. Халаевой, говорится, как однажды на месте сухого лога внезапно образовалось озеро, в котором колхозники увидели плавающую икону. Им жалко было лишаться угодий, и председатель посоветовался с матерью, как поступить. Та посоветовала «засорить» озеро навозом. Три дня люди пытались засыпать им небольшой лог, но бесполезно. А на мать председателя в это время «как напали черви, так всю ее и источили». Женщина попросила очистить озеро, чтоб освободиться от мучений и умереть. После исполнения просьбы она скончалась (ОмГПУ ЭК-54/1985, N 12). В другой легенде рассказывается, как после революции в деревне ломали церкви: «Все боятся за иконы братья, а мужик один взял все иконы посрывал со стен и давай по ним топтаться. А на следующий день заболели у него ноги, перестал он ходить. Так в скором времени и умер» (ОмГПУ ЭК-35/1986, N 105).

Два последних повествования объединяет одна особенность: грешили многие, но наказан был в каждом случае один человек, тот, чья вина осознается как самая тяжелая. В первом случае это инициатор, во втором — проявивший излишнее рвение в своих действиях, тот, кто не просто решил снять иконы, но «посрывал» их и, что самое страшное, «по ним топтался». Дидактика выражена в самом развитии сюжетов. Однако есть и тексты, где наказаны все грешившие, причем мораль выражена в открытой форме: когда в первые годы советской власти на месте

церкви построили клуб, то люди, рискнувшие пойти туда потанцевать, там «так и остались. Это, говорят, Господь их наказал» (ОмГПУ ЭК-35/1980, N 27). Более того, глумление над верой, как считает народ, имеет далеко идущие последствия, затрагивающие общество в целом. Причем для наказания вовсе не нужно глобального бедствия — пожара или наводнения: Богу достаточно предоставить людей самим себе. И вот результат: «...с тех пор повелось: кто душится, кто топится, кто запивается» (ОмГПУ ЭК-57/1980, N 58).

Итак, народное понимание греха, хотя и не совпадает с догматическим, но многоаспектно, далеко от схематизма, различает степень вины. Посвяительство на основы веры требует сурового наказания, а небольшое (формальное) отступление от ритуала грехом не считается: «...Корабль шел по морю, а есть на море остров, и там люди молятся Богу. Они приостановили корабль и говорят: «Вы пойте первую молитву господню». Они пропели им молитву и поехали. А те запели эту молитву, но забыли одно слово». Островитяне послали своего человека вдогонку, тот «побежал по воде», стал узнавать про забытое слово и получил весьма поучительный ответ: «Молитесь, как молились раньше. Вам Бог простит» (ОмГПУ ЭК-2/1979, N 41).

Итак, местные материалы показывают, что происходит постепенное изменение в сюжетном составе легенд: например, за счет включения текстов, сюжеты которых имеют книжное (библейское) происхождение. Очевидно, это является результатом гонений на веру и запрет религиозных книг. Появились также варианты в развитии некоторых сюжетов и иные особенности, рассмотрение которых требует отдельных статей.

Примечания:

1. Бараг Л. Г. Легенда // Восточнославянский фольклор: Словарь научной и народной терминологии / Редкол.: К. Б. Кабашников (отв. ред.) и др. Минск, 1993. С. 128 — 129.
2. Пропп В. Я. Легенда // Пропп В. Я. Поэтика фольклора / Сост., предисл. и комм. А. Н. Мартыновой. М., 1998. С. 271.
3. Там же, с. 279.